

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Межрегиональная общественная организация «Ассоциация когнитивных исследований»
Центр развития межличностных коммуникаций
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

**СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ**

20–24 июня 2016 г., Светлогорск, Россия
Тезисы докладов

**THE SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE
ON COGNITIVE SCIENCE**

June 20–24, 2016, Svetlogorsk, Russia
Abstracts

Светлогорск
2016

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

чимо отрицательно коррелирует со склонностью к риску (И7), корреляция с готовностью к риску при принятии решений (ЛФР-21) не значима. В контрольной группе межличностная интолерантность к неопределенности, напротив, связана с готовностью к риску, но не с риском как поиском острых ощущений.

Т.о., когнитивная импульсивность у геймеров тесно связана с готовностью рисковать в различных сферах жизни, но принятие неопределенности у них скорее объясняется поиском острых ощущений, а не готовностью к последствиям решений. Стиль широкий диапазон эквивалентности (по выраженности этого стиля геймеры и контрольная группа не различаются, хотя в этих группах он по-разному соотносится с индивидуально-личностными особенностями) связан с готовностью к риску и толерантностью к неопределенности, что косвенно подтверждает данные М.А. Холодной (2004) о зрелом и продуктивном характере данного стиля (при высоком коэффициенте категоризации). Итак, полученные результаты показывают, что соот-

ношение когнитивной и личностной регуляции у геймеров и у контрольной группы характеризуется как общими чертами, так и собственной спецификой, связанной, предположительно, с игровым опытом группы геймеров. Эти данные представляются важными для дальнейшего анализа психологических особенностей взрослых геймеров.

Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00740

Богачева Н.В., Войскунский А.Е. 2015. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. Т. 12, № 1, 29-53.

Корнилова, Т.В. 2003. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. 2010. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл.

Холодная М.А. 2004. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер.

Collins E., Freeman J., Chamorro-Premuzic T. 2012. Personality traits associated with problematic and non-problematic massively multiplayer online role playing game use // Personality and Individual Differences 52, 133-138.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ВИДЫ ИНТЕЛЛЕКТА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А. Богомаз

bogomazsa@mail.ru

Томский государственный университет (Томск)

Изучая проблему соотношения разных видов интеллекта (Богомаз, Горчакова 2015), важно было оценить, в какой степени аналитический, эмоциональный и социальный виды интеллекта могут быть связаны с психологической системой деятельности. В структуре любой такой системы можно выделить такие инвариантные компоненты, как целеполагание, планирование, психологический результат, обратная связь о параметрах промежуточных и достигнутого результатов.

Для выявления связей между интеллектуальными показателями и показателями системы деятельности было организовано психодиагностическое исследование, в котором участвовали 163 студента младших курсов. Для количественной оценки аналитического интеллекта был использован модифицированный тест «Прогрессивные матрицы Дж. Равена» в адаптации Б. Койчу (Koichu 2003), с вычислением 2 показателей: интеллектуальной результативности и интеллектуальной продук-

тивности (Мацута, Суднева, Богомаз 2014). Для характеристики эмоционального интеллекта применялся тест Д.В. Люсина (Люсин 2009), который отражает способность человека ориентироваться в своих и чужих эмоциях. Для оценки способности ориентироваться в сложных ситуациях межличностного взаимодействия и нормах социальных отношений использовался тест «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации», разработанный С. Щербаковым (Щербаков 2010). Этот тест построен на анализе предпочтений коммуникативных стратегий (борьба, уход, компромисс, сотрудничество, уступка, поиск помощи, язвительность) в ситуациях конфликта интересов.

Для количественной оценки параметров психологической системы деятельности студентам был предложен «Опросник самоорганизации деятельности» (автор Е.Ю. Мандрикова), в котором имеются шкалы «склонность к планированию», «склонность к постановке целей», «настойчивость в достижении целей», «склонность к фиксации», «склонность обустроить рабочее место». Дополнительно также вычислялись индексы целеустремленности и рациональности (Богомаз 2011).

Оценка психологического результата деятельности осуществлялась с помощью шкалы «Удовлетворенность жизнью» (автор Э. Динер; в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина). Качество обратной связи изучалось с использованием методики дифференциальной диагностики рефлексивности (авторы Д. А. Леонтьев и др.), в которой имеются 3 шкалы: «системная рефлексия», «рефлексия как самокопание» и «квазирефлексия». Нормативные значения показателей опросника самоорганизации деятельности, шкалы «Удовлетворенность жизнью» и методики дифференциальной диагностики рефлексивности представлены в более ранней работе (Богомаз 2014).

Собранные психодиагностические данные были организованы в электронную базу данных и обработаны с помощью лицензионной программы Statistica 6.0.

Корреляционный анализ данных в студенческой выборке показал отсутствие корреляций между показателями интеллектуальной результативности и продуктивности, с одной стороны, и показателями психологической системы деятельности, с другой стороны. Это согласуется с результатами наблюдений: действительно, лишь единицы студентов с высокими интеллектуальными способностями активно включаются в учебную, общественную и научную жизнь, большинство же высокоинтеллектуальных студентов склонны лишь формально следовать требованиям учебного процесса в вузе.

Отсутствовали также значимые связи между показателями социального интеллекта и показателями психологической системы деятельности. Исключение составили отрицательные корреляции показателя «уход из конфликтной ситуации» (индикатор низкого социального интеллекта) с показателем «наличие целей» ($r = -0,260$, $p = 0,001$) и индексом целеустремленности ($r = -0,280$, $p = 0,0001$). Это означает наличие тенденции к тому, что в студенческом возрасте низкая способность к ориентации в отношениях между людьми и склонность «уходить» от конфликтных ситуаций может сопровождаться низкой склонностью к целеполаганию и низкой целеустремленностью.

Значительное число корреляционных связей было обнаружено для показателей эмоционального интеллекта. В первую очередь, это нашло отражение в корреляции индекса «целеустремленность» с показателями «межличностное понимание эмоций» ($r = 0,294$, $p = 0,0001$), «межличностное управление эмоциями» ($r = 0,374$, $p = 0,0001$), «внутриличностное понимание эмоций» ($r = 0,318$, $p = 0,0001$), «внутриличностное

управление эмоциями» ($r = 0,297$, $p = 0,0001$), «общий показатель эмоционального интеллекта» ($r = 0,434$, $p = 0,0001$). Кроме того, показатель «межличностное понимание эмоций» был связан с показателем «системная рефлексивность» ($r = 0,291$, $p = 0,0001$), а показатель «внутриличностное управление эмоциями» коррелировал с показателем «удовлетворенность жизнью» ($r = 0,273$, $p = 0,0001$).

Был использован метод пошаговой регрессии, когда в качестве зависимой переменной выступал индекс целеустремленности, а независимыми переменными были показатели трёх видов интеллекта. Значимыми предикторами целеустремленности в модели оказались показатели «межличностное управление» ($b = 0,184$; $p = 0,013$), «внутриличностное понимание» ($b = 0,187$; $p = 0,003$), «уход» ($b = -0,246$; $p = 0,00001$) и «сотрудничество» ($b = 0,248$; $p = 0,004$), которые являются компонентами эмоционального и социального интеллекта, соответственно. На невысоком, но достоверно значимом уровне эти показатели вносят вклад в целеустремленность. В целом, построенная модель описывает 30% вариативности индекса целеустремленности в студенческой выборке ($R^2 = 0,30$; $F(8,219) = 11,555$; $p < 0,000001$).

Можно сделать заключение, что эмоциональный и социальный интеллект в студенческой выборке оказывают более сильное влияние на психологическую систему деятельности, чем аналитический интеллект. По-видимому, способность ориентироваться в своих и чужих эмоциях, а также способность ориентироваться в отношениях между людьми в студенческом возрасте является важным фактором включения в деятельность, способствующим достижению значимых целей.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ N15-36-01374 «Изучение поисковой активности в условиях когнитивной деятельности с использованием системы регистрации глазодвигательной активности (айтрекер) и электроэнцефалографии»

Koichu B. 2003. Junior high school students' heuristic behaviors in mathematical problem solving. Unpublished Doctoral Dissertation. Haifa: Technion.

Богомаз С. А. 2011. Типологические особенности самоорганизации деятельности // Вестник ТГУ. 2011, № 334, 163-166.

Богомаз С. А. 2014. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Вып. 5: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта, неопределенности и риска инноваций». Ижевск: ERGO, 275-279.

Богомаз С. А., Горчакова О. Ю. 2015. Соотношение разных видов интеллекта как предмет научного спора и изучения // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всерос-

сийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина, М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 37-39.

Люсин Д. В. 2009. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М.: Институт психологии РАН, 264-278.

Мацуга В. В., Богомаз С. А., Суднева О. Ю. 2014. Роль интеллектуальных и личностных факторов в достижении

высокой результативности в ЕГЭ по математике // Сибирский психол. журн., № 52, 52-66.

Щербаков С. В. 2010. Диагностика социального интеллекта студентов // Актуальные вопросы физиологии, психофизиологии и психологии: Сборник научных статей Всероссийской заочной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ Баш-ИФК, 122-126.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ

Д. Б. Богоявленская
ПИ РАО (Москва)

Характерной чертой современных концепций является эклектичное представление о творчестве. Это вызвано, прежде всего, тем, что два термина — творчество и креативность — означают один феномен, но пришли из разных языковых групп. В то же время каждый термин раскрывается в различных теориях, разрабатываемых в разных парадигмах. Если творчество, как правило, связывается с наличием разворачиваемого процесса продуктивного мышления, то креативность — с дивергентным мышлением. Отсюда описание творчества, с одной стороны, как способности выхода за рамки стимульной ситуации, рассмотрения скрытых свойств предмета, а с другой — оригинальности и нестандартности мышления в результате большого числа далеких ассоциаций, определяемой статистически (Бобров, Сухойваненков 2014). Те авторы, которые рефлексируют это различие, чтобы сохранить их единство, находят выход в соотношении творчества с процессом, а креативности со способностью (Морозов 2015). Обе эти тенденции, сознательно или несознательно, вынуждены использовать понятие креативности, поскольку в широкой практике только оно обеспечено наличием тестовых методик, без которых невозможна не только диагностика в исследовательских целях, но и выход в практику, тем более передача на компьютер.

На сегодняшний день имеющиеся методы исследования творчества не могут быть формализованы. «Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту» — такой приговор низшим формам творчества, которые исследуется в рамках проблемных ситуаций с помощью т. н. «творческих задач», дал авторитетный ученый (Аллахвердов 2011:175). Но на этапе инкубации доминирует бессознательное, следовательно, мы его моделировать не можем.

Еще более сложно подойти к формализации высших форм творчества, теряющих форму ответа. Здесь механизм, приводящим к выходу

в «непредданное», является способность человека развивать деятельность по своей инициативе, что связано с тем качеством личности, которое Ф. Гальтон называл «приверженностью делу». Здесь мы должны учитывать мотивацию и структуру личности.

Другое дело — креативность, раскрываемая как дивергентное мышление по критериям беглости (число ответов), гибкости (изменение аспекта) и оригинальности (ключевой показатель креативности). Она описывает статистическую редкость ответа относительно изучаемой выборки. Вместе с тем оригинальность многолика. За ней могут стоять различные, порой прямо противоположные явления: выявление существенных взаимосвязей, простая вычурность, даже психическая неадекватность. Это признает и сам Гилфорд, говоря о порождении с помощью дивергентного мышления новых, не обязательно умных, искусственных идей. Не надо забывать, что В. Освальд говорил об оценке творчества ученых по критерию оригинальности, понимая ее как «способность создавать что-либо самостоятельно» (Освальд 1910). Но беда даже не в том, что оригинальность трактуется просто как маловероятная идея, т. е. чисто статистически. Основная проблема заключена в самой инструкции теста. Требуя выдачи максимально большего количества неординарных ответов, она стимулирует не только ассоциативный (а иногда продуктивный) процесс, но и применение ряда обходных приемов, повышающих количество неординарных ответов, никак не связанных с механизмами творчества. Кроме того, мы фиксируем высокие показатели по креативности у детей, еще не умеющих выделять существенный признак, или у людей со сниженным интеллектом, но высоким мотивом достижений, которые скорее говорят о компенсаторных механизмах и психологической защите.

Говоря о показателях необычности и далеких ассоциаций, Гилфорд не случайно дает ссылку на Г. Харгривса, аспиранта Ч. Спирмена, которому тот поручил разработать критерии оценки как количественной, так и качественной продук-